

Лайнер плавно оторвался от взлетной полосы, сделал прощальный круг над Санкт-Петербургом и лег курсом на Хельсинки. Монотонный, убаюкивающий гул двигателей обволакивает приятной дремой. Я не сопротивляюсь: расслабляюсь, отсутствую... Неожиданно дремоту прерывает стюардесса. С обворожительной улыбкой она предлагает сок и плеер. Приспособив, я включаю его. В ту же секунду начинаю перемещаться из салона в сказочную пьесу солирующего деревянного духового инструмента, обладающего обаятельно-певучим печальным тембром, – английского рожка в сопровождении оркестра. Под мягко мерцающий аккомпанемент скрипок рожок вступает удивительно простой и красивой мелодией. Боже мой! Да это же Сибелиусовский «Туонельский лебедь» из «Калевалы»! Сдержать бы неожиданно нахлынувшие эмоции... Не расплакаться бы именно сейчас, когда отчетливо слышишь и видишь тихо плывущего по реке смерти лебедя Туонелы – символического воплощения царства вечного покоя. Мне с трудом удастся подавлять в себе слабость. Ощутимо помогает возникший неудержимый натиск жизни, устремившийся в след лебедю. К радости, в

произведении стали улавливаться характерные музыкальные черты, присущие Чайковскому, Римскому-Корсакову... А вот карельская песенность стала «перемешиваться» с северорусской, вдохновлявшей некогда автора оперы «Садко».

Слушая Сибелиуса на высоте восемь тысяч метров, несмотря на непроглядную толщину облаков, я отчетливо вижу строгую красоту вековых хвойных лесов, блеск озер и скалистые берега Финляндии. В музыке видятся и города, основанные на природных скалах. Уже там, на земле, гуляя по улицам Хельсинки, я имел возможность убедиться в этом: многим сооружениям фундаментом служат скалы. То есть – город выстроен и продолжает строиться без изменения природного ландшафта.

Однако с земли вернемся на небо, в салон лайнера. Не без сожаления расстанемся с великолепным сочинением Яна Сибелиуса по причине того, что объявлена посадка. Пока приземлялись, пришло твердое решение прежде всего побывать в Ярвенпяе в доме-музее, где прошли последние годы жизни знаменитого финского композитора.

Тридцать километров – расстояние от Хельсинки до Ярвенпяя – проехали очень быстро: вплотную дорогу густо обступали ярко-зеленые лиственницы, сосны, вспененные буйной молодой листвой неизвестные мне кустарники. Разом это все расступилось, отодвинулось – и открылась изумительная перспектива холма, щедро предоставившего свою южную часть тверди дремлющему озеру. С вершины холма в голубизну неба изящно устремились белесые трубы органа. В нескольких шагах напротив – скульптурное изображение великого маэстро, национального героя Финляндии. По мере приближения к нему четче обозначается лицо отрешенного от земной суеты человека. Это лицо – продолжение, а может, начало... Нет, это единое целое композитора и органа.

Не дойдя метров десяти до органа, я вновь слышу все тот же рожок, извлекающий из себя под мягко мерцающий аккомпанемент скрипок удивительной красоты мелодию. Так, это снова ожил лебедь Туонелы! Вот он где-то недалеко тихо плывет...

А разве я один слышу эту необычную мелодию? Вижу, что ее слышат и идущие рядом со мной люди. Увлажненные глаза их подтверждают мои предположения. Да и как же иначе! Плывет!.. А если все это наваждение? И нет никакой музыки и лебедя? А как же эти глаза пришедших к Сибелиусу? Ну нет уж, прочь сомнения: царственная птица, название которой вечная музыка, жива, она не умолкала... Чтобы не было «сдвига по фазе», я решительно спускаюсь с волшебного холма к озеру.

Иду по тропинке-дорожке. Она повторяет контуры берега. После очередного изгиба метрах в пяти-шести навстречу шлепает своими перепончатыми лапками утка. За ней – еще одна, чуть поменьше. Что ни на есть – настоящие водоплавающие! У нас в Сибири в таком случае ударило бы враз стволы 20-30. А здесь – чудо – шлепают навстречу! Однако метрах в трех-четыре от меня непуганые пернатые юркнули в высокую береговую траву. И тут же выдали свое присутствие осторожным всплеском воды, на которой открыто позволили себя рассматривать...

Живописнейшее место! В нем – усадьба Сибелиуса. Она представляет собой уютную деревянную постройку, окруженную садом и лесом. Чуть дальше, через зелень деревьев, виднеются еще постройки. Ближняя ко мне получила название «Айнола», что означает по-фински «жилище Айно», в честь жены Сибелиуса. Именно в нем, в этом жилище, среди типичного финского ландшафта, близкого и дорогого с детских лет, композитор прожил больше полувека. Здесь в сельском

уединении он создал свои наиболее зрелые произведения, в том числе пять знаменитых симфоний. Сейчас в строении находится музей. Захожу не без волнения. В помещении – ничего бросающегося в глаза: очаг, камин, стулья, одно плетеное кресло, огромный абажур над единственным столом, лестница, ведущая на второй этаж в спальную комнату. И еще витрины. Здесь их много вдоль двух стен, невысокие, застекленные. Под стеклом в основном нотные листы. На них – музыкальные произведения, написанные рукой автора. Здесь же заметки, письма Сибелиуса, письма, адресованные ему известнейшими людьми его эпохи. Есть поздравление президента республики Ю. Паасикиви, который однажды посетил хозяина с хозяйкой. Побывали у них в гостях Ю. Шапорин, Д. Ойстрах, Д. Кабалевский, А. Хачатурян, Э. Гиэльс и другие видные музыкальные деятели...

Здесь, в доме, ставшем музеем, под шелест леса за окном и еле уловимые всплески остывающей воды озера Сибелиус медленно и тихо на девяносто седьмом году жизни уходил в иной мир, оставляя в этом любимых, друзей и музыку, которая до сих пор осталась с нами, а вместе с ней и он – гениальный гигант финской музыкальной культуры.